

НИКОЛАС СПАРКС

ДНЕВНИК ПАМЯТИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

Эта книга увидела свет благодаря двум потрясающим людям, и я хотел бы поблагодарить их за то, что они сделали.

Тереза Парк, литературный агент, — спасибо за то, что вытащили меня из тьмы на свет. За доброту, терпение и долгие часы работы со мной. Никогда не забуду то, что вы для меня сделали.

Джеми Рааб, издатель, — спасибо за мудрость, юмор и великодушие. Вы очень мне помогли, и я счастлив называть вас своим другом.

*Кэти, моей жене и другу,
с любовью посвящается*

Чудеса

Кто я такой? И чем, хотелось бы знать, закончится моя история?

Солнце только что взошло, а я уже сижу у окна, и дыхание моей уходящей жизни туманит стекло. Ну и видок у меня, наверное: две рубахи, теплые штаны, шея замотана шарфом, концы которого заправлены в теплый свитер — тридцать лет назад его связала мне одна из дочерей. Термостат в комнате жарит на полную, и, однако, в ногах у меня стоит еще один маленький обогреватель. Он пошелкивает, рычит и плюется горячим воздухом, словно миниатюрный сказочный дракон, а мне все равно холодно. Последнее время холод не покидает меня ни на минуту, причина тому — мои восемьдесят лет. «Восемьдесят!» — иногда думаю я, и хотя сама цифра не пугает, тем не менее

забавно, что я не могу согреться с тех пор, как президентом был Джордж Буш-старший. Интересно, все ли мои ровесники чувствуют то же самое?

Прожитая жизнь... Трудно объяснять такие вещи. Когда-то я надеялся, что каждый мой день будет расцвечен новыми красками. Такого, к сожалению, не произошло, но и тоскливой мою жизнь не назовешь. Больше всего она напоминает удачно купленную акцию — хорошая сделка, выгодная, курс повышался день ото дня, а я ведь по опыту знаю, что далеко не каждый может похвастаться подобным. Поймите правильно — я обычный человек с обычными мыслями и жизнь прожил самую обыкновенную. Мне не поставят памятник, имя мое скоро забудется, и все же я познал любовь, и мне этого достаточно.

То, что происходит со мной сегодня, романтики назвали бы мелодрамой, а циники — трагедией. Сам я всегда считал, что в жизни сплелись и первое, и второе, и вообще, как там ни назови, мой путь — это мой Путь, и я о своем выборе не жалею. Не жалею ни о самом Пути, ни о том, куда он привел. Сотня других причин способна заставить меня стонать и жаловаться, но эта — никогда. Ни разу не допускал я даже

мысли о том, что моя жизнь могла сложиться иначе.

Старость — плохой помощник, она пытается сбить с курса. И хотя Путь лежит передо мной такой же прямой, как и раньше, теперь он усыпан булыжниками и гравием, набравшимися за долгую жизнь. Всего три года назад я мог не обращать на них внимания, а теперь не выходит, как ни старайся. Тело мое изуродовано болезнью, я не здоров и не силен и сам себе напоминаю забытый где-нибудь в углу после праздника воздушный шарик — сдувшийся, дряблый, бесцветный.

Я кашляю, щурясь на часы. Пора. Покидаю свое место у окна и, шаркая, пересекаю комнату, не забыв захватить со стола блокнот, хотя все, что там написано, давно знаю наизусть. Сую его под мышку и выхожу из комнаты. Путь начался.

Шагаю по кафельным плиткам — серовато-белым, как мои седые волосы, как волосы большинства живущих здесь людей, хотя сейчас я иду по коридору в одиночестве. Остальные еще в своих комнатах, наедине с телевизором, они привыкли к этому, так же как и я. Человек ко всему привыкает, дайте только срок.

Вдалеке слышится сдавленный плач. Я знаю, кто это плачет.

Меня замечают медсестры, мы улыбаемся друг другу, желаем доброго утра. Мы все здесь друзья, часто болтаем о том о сем. Я знаю, что за спиной они шушукаются обо мне и о ритуале, которому я следую каждый день. И вот сейчас я вновь слышу:

— Вон он! Опять пошел.

— Сегодня все должно быть неплохо.

Правда, ни одна из них ничего не говорит в глаза. Думаю, сестры боятся разволновать меня, и, наверное, они правы.

Через минуту я приближаюсь к комнате. Дверь открыта специально для меня, как и каждый день. В комнате еще две медсестры, они улыбаются, когда я вхожу. «Доброе утро», — бодро приветствуют они, я тоже здороваюсь и не забываю спросить, как детишки, как школа, скоро ли каникулы. Мы словно не обращаем внимания на непрекращающийся плач. Здесь к такому привыкли, привык и я...

Я сажусь в кресло, которое принимает меня в свои объятия. Медсестры почти закончили — хозяйка комнаты уже одета, но все еще плачет. Она немного успокоится, когда персонал уйдет, я-то знаю. Утренние процедуры всегда вгоняют ее в уныние, и сегодняшний день не исключение. В конце концов занавеска у кро-

вати отодвигается, и медсестры направляются к двери. Проходя мимо, обе улыбаются и легонько похлопывают меня по плечу. Что бы это значило?

Несколько минут я просто сижу и смотрю на нее, однако ответного взгляда не дожидаясь. Неудивительно — она ведь не знает, кто я такой. Для нее я чужак, незнакомец. Чуть-чуть отворачиваюсь и, склонив голову, молюсь — прошу у Господа сил, которые мне ой как понадобятся. Я всегда верил в Бога и в силу молитвы, хотя теперь, когда конец уже близок, частенько задаюсь вопросом: воздастся ли мне по вере моей, когда я окажусь там, по другую сторону жизни?

Вот я и готов. Очки — на нос, лупу — на стол, открываю блокнот. Приходится дважды лизнуть искореженный палец, чтобы потертая страничка наконец открылась. Теперь беру лупу в руки.

И как всегда, перед началом чтения меня заботит один-единственный вопрос: выйдет ли у меня сегодня? Я никогда не знаю этого наверняка, и, в сущности, это не имеет значения. Вероятность, а не уверенность — вот что ведет меня по пути, иногда я напоминаю себе азартного игрока. Можете считать, будто я мечта-

тель или глупец, но я верю: в этом мире все возможно.

Да, наука против меня. Правда, наука тоже не все знает, я понял это давным-давно. И поверил, что чудеса — не важно, сколь невероятными и необъяснимыми они кажутся, — случаются, кто бы что ни говорил. И поэтому сегодня, как и каждое утро, я начинаю читать вслух: громко, чтобы слышала плачущая женщина, в надежде на то, что чудо, однажды явившееся в мою жизнь, придет снова, пусть и ненадолго.

Может быть, сегодня?

Духи прошлого

Теплым октябрьским вечером 1946 года, сидя на веранде, со всех сторон опоясывающей дом, Ной Кэлхоун любовался закатом. Он с удовольствием оставался здесь в сумерки, отдыхая после тяжелого трудового дня и позволяя мыслям течь, куда им заблагорассудится, вольно, без всякой цели. Эту привычку Ной унаследовал от отца.

Больше всего ему нравилось смотреть на деревья и на их отражение в водах реки. Природа Северной Каролины особенно хороша осенней порой — все оттенки зеленого, красного, золотого, оранжевого. Разноцветная листва пылала яркими цветами, вспыхивая на солнце, и Ной в который раз подумал о прежних хозяевах дома — интересно, а сидели они вот так на веранде, любуясь окружающей красотой?

Дом построили в 1772 году, это было одно из старейших и огромнейших зданий в Нью-Берне. В свое время в нем жил местный плантатор, а Ной купил дом сразу после войны и потратил целый год и почти все свое небольшое состояние, чтобы привести его в порядок. Несколько недель назад репортер из Роли* даже написал об этом заметку, в которой говорилось, что столь удачная реставрация — случай довольно редкий. Ной был с ним полностью согласен. Во всяком случае, в том, что касается дома. Остальная усадьба выглядела гораздо плачевнее, и именно там Ной проработал большую часть дня.

Дом стоял на двенадцати акрах земли, прилегающих к реке Брайсес-Крик, и последние дни его хозяин старательно поправлял обветшавшую изгородь, окаймлявшую собственность с трех сторон, — выискивал гнезда термитов, менял окончательно сгнившие столбики. Работы оставалось непочатый край, особенно с восточной стороны, и сегодня, откладывая инструменты, Ной решил заказать побольше досок. Вошел в дом, выпил стакан сладкого чаю и залез в душ. Он любил принимать душ после работы — вода смывала и грязь, и усталость.

---

* Роли — столица штата Северная Каролина. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Ной зачесал назад влажные волосы, натянул потертые джинсы и голубую рубашку, налил себе еще стакан чаю и уселся с ним на веранде, где сживал каждый вечер.

Он потянулся, подняв руки над головой, повел плечами... Хорошо! После душа он чувствовал себя посвежевшим, только слегка ныли натруженные за день мышцы. Ной знал, что завтра с трудом встанет с постели, однако чувствовал удовлетворение от того, что успел сделать почти все намеченное.

Он взял гитару и почему-то вспомнил отца. Как же его не хватает!.. Ной провел пальцами по струнам, подтянул колки и снова проверил звучание. Вот теперь хорошо, можно играть. Ной тихонько замычал себе под нос, потом запел, вглядываясь в надвигающиеся сумерки. Так он пел и играл, пока солнце не село и все вокруг не погрузилось во тьму.

Было около семи, когда Ной отложил гитару и начал тихонько раскачиваться в кресле-качалке. Привычно смотрел на небо, на мерцающие звезды — Орион и Большая Медведица, Близнецы и Полярная звезда...

Попытался было подсчитать расходы, но быстро бросил — и так знал, что потратил на ремонт все сбережения и вскоре придется ис-

кать работу. Что ж, придется так придется, а пока можно получать удовольствие от отдыха и ни о чем не горевать. Когда возникнет нужда, обязательно что-нибудь подвернется, это точно, всегда так бывало. А мысли о деньгах навевали одну скуку. С детства Ной умел наслаждаться простыми радостями жизни, теми, что не продашь и не купишь, и с трудом понимал людей, которые считали по-другому. Это был еще один дар, унаследованный им от отца.

Появилась Клем, охотничья собака Ноя, лизнула ладонь хозяина и растянулась у его ног.

— Привет, девочка, как дела? — ласково спросил Ной, потрепав псину по голове. Она нежно взвизгнула в ответ, преданно глядя на него карими глазами. Клем потеряла лапу в автокатастрофе и тем не менее бойко бегала на оставшихся трех и охотно составляла Ною компанию по вечерам.

Ною недавно исполнилось тридцать один. Не сказать, чтобы много, хотя достаточно, чтобы занять семью. Однако с тех пор, как Кэлхоун вернулся в эти места, он не встречался с женщинами. Не специально — просто ни одна не зацепила. Сам виноват. Что-то удерживало его от близких отношений, заставляло прекра-